

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ОБРАЗОВ ТЕХНИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО СССР В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Артамонов Константин Александрович, аспирант
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
E-mail: Constantine.ar@gmail.com

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме исследования образов будущего в советском обществе 1940–1950 гг. Образы социалистического будущего формировались научно-экспертным сообществом Советского Союза. Они выносились на свободное обсуждение в рамках как партийной, так и массовой дискуссии. На формирование образа будущего в СССР оказали влияние многочисленные факторы, обусловленные, в первую очередь, внутренней логикой развития советской общности.

Ключевые слова: будущее, социализм, коммунизм, техника, наука, образ, генезис

ON THE GENESIS OF THE IMAGES OF THE TECHNICAL FUTURE OF THE USSR IN THE WORLDVIEW OF SOVIET SOCIETY

Artamonov Konstantin A., postgraduate student
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University,
29 Polytehnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
E-mail: Constantine.ar@gmail.com

This article is devoted to the actual problem of the study of images of the future in Soviet society of the 40–50's. XX century. Images of the socialist future were formed by the scientific and expert community of the Soviet Union. They were presented for free discussion in the framework of both party and mass discussions. The formation of the image of the future in the USSR was influenced by numerous factors, conditioned, first of all, by the internal logic of the development of the Soviet community.

Keywords: the future, socialism, communism, technology, science, image, genesis

Проблема системного анализа генезиса образов «технического будущего» в СССР в 40–50-е гг. XX столетия не может быть исследована вне исторических особенностей построения социализма и общей проблематики реализации в повседневной жизни сталинского СССР постулатов коммунистической идеологии, которые к тому же в указанное время претерпевали известную трансформацию в общественном сознании «страны советов». В связи с этим мы не можем не отметить тот факт, что в исследуемый период коммунизм, как исторический феномен, занимал в СССР важнейшее место как в системе «идеологических координат» руководящих партийных и политических работников, так и представлял собой некую «неприкосновенную детерминанту» общественного развития в плане формирования повседневной культуры советского гражданина, все более приобретаая черты мифа, маркером которого, в свою очередь, выступал социальный и «идеалистический» посыл построения справедливого общества, обладавшего, среди прочих его характеристик, необходимым фундаментом для создания научно-технической базы, которая бы стала тем рычагом,

который, как полагали идеологи СССР, привел бы в действие трансформацию повседневной культуры «советского гражданина».

Послевоенная общественная модель Советского Союза, воспроизводя традиционные архетипы «социалистического сознания» 20–30-х гг., тем не менее, продолжала свое эволюционное развитие. Выявить векторы этого развития, а также направить их в нужную партии и правительству сторону превращалось в одну из главных задач советской науки, которая в значительной степени формулировала повестку дня общественного дискурса тех лет.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что образы технического будущего виделись научно-экспертному сообществу 1940–1950 гг. в некоем «отвлеченном» физико-математическом виде вне учёта каких-либо антропологических концепций и теорий, приобретающих в исследуемый период значительную популярность в западных странах. В связи с этим хочется подчеркнуть, что рассмотрение особенностей технического развития, закреплённого в повседневной культуре гражданина СССР, может рассматриваться в достаточной степени критично, так как техническое развитие Соединённых Штатов Америки и стран Западной Европы опережало советское, не говоря уже о способах актуализации научных достижений в материальной культуре. Впрочем масштаб инженерной мысли послевоенного СССР способен подчас поразить воображение исследователя [2, с. 31], при том что он, вместе с тем, может быть также объективно проанализирован и с позиций критического скептицизма.

В настоящее время с высокой степенью вероятности можно предположить тот факт, что характер образов будущего в советском обществе был определен следующими факторами:

- материалистической идеологией;
- особенностями физико-математического мировоззрения, которое полагало, что формирование объективной реальности в заданных партией и идеологией рамках возможно через техническое «понимание» человека.

Последняя особенность не была оригинальной чертой мировоззрения советского общества. Еще в античности она находила своё выражение в пифагорейской традиции, рассматривавшей методы математики как инструменты, позволяющие наиболее адекватно постигать явления окружающего мира.

Данная парадигма построения футуристического общества в атрибутах и идеологемах коммунизма, базировавшаяся на успехах СССР в области промышленности [4, с. 73–83], была базовой единицей при прогнозировании возможных социальных и политических кризисов, и рассматривалась в качестве их решения. С методологической точки зрения данный подход был подчас необъективен, так как рассматривает и общество, и человека только лишь в историческом и экономическом развитии, избегая взгляда на культурные особенности, в силу чего «первичность» технологического над культурным всегда вызывает стагнацию технического, или, в данном случае, научно-технического, что, в свою очередь, формирует сильнейший социальный запрос на реконструкцию национального концепта прошлого.

Таким образом, стоит отметить, что технологические образы будущего СССР формировались не как «творческая переработка» прошлого.

Таким же образом понималась советским человеком и природа, которая виделась им вписанной в картину технического «закрепления» человека в ней. Иначе говоря, природа рассматривалась как некая пассивная структура, в то время как человеческая культура на уровне созданных объектов материальной культуры воспринималась как образ закреплённого будущего в настоящем. Данная система координат, позволяющая воспринимать мир в антагонистическом качестве, позволяет с уверенностью говорить, что образы технологического будущего в СССР были сформированы мифологическим качеством коммунистического способа мышления. С научной

точки зрения поражает не только масштаб данных спекулятивных построений, но и специфический характер понимания времени в СССР, которое мыслилось как переходная фаза в новую реальность [3, с. 41–48].

Образ технологического будущего СССР может быть полно и последовательно изучен лишь в его критической парадигме, учитывающей особенности идеологической формы мировоззрения с его идейную борьбу вкуче с конкуренцией образов будущего [1, с. 38].

Индустриализация в СССР имела перманентный характер, а статус инженерного работника ставился на исключительно высокий, если не сказать завышенный уровень, и этому способствовала не только «идеологическая работа». Формирование образа технологического будущего СССР актуализировалось именно на предметах производства, а не на его формах, что, в свою очередь, и составляло качественную характеристику исторического развития в дальнейшем.

Историческая наука, занимаясь исследованием экономического развития Советского Союза, как правило, делит всю его историю на довоенный и послевоенный периоды (ряд исследователей выделяет также отличия «сталинского» периода от «хрущевского» и последующих) [9, с. 22–25]. Отличия между этими периодами, несомненно, фундаментальные. Так, например, в период формирования советского государства процесс складывания идеологии, которая в период Великой Отечественной войны позволила достаточно активно противостоять главному идеологическому врагу СССР – Германии – только начинался. В послевоенный период идеологизация обыденного мышления уже не носила столь ярко выраженный характер, в силу глубины пережитой советской общностью онтологической катастрофы, экзистенциально затронувшей каждого его члена. Это, в свою очередь, определило особенности процесса формирования образа технического будущего СССР в «мифотворческом» ключе. Что же касается советских лидеров, то им техническое будущее виделось как форма, которая определяла повседневную культуру советского гражданина, жителя свободной социалистической страны, и поэтому социальный концепт включал в себе не только уровень материального благосостояния, но и конечную его фазу, при которой дальнейший экономический рост вовсе не требуется, так как экономическая «настойка» производственных сил и производственных отношений постепенно достигнет своего совершенства.

Об этом, в частности, говорил И.В. Сталин, когда касался экономических вопросов. Так, он указывал три необходимых предварительных условия для реального, а не декларативного, перехода от социализма к коммунизму: «1) Прочно обеспечить не мифическую – рациональную организацию производительных сил...; 2) ...поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение постепенно заменить системой продуктообмена; 3) Добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития» [7, с. 202–203].

Дальнейшее развитие советского образа будущего в представлении отца народов означало переход к пяти-шестичасовому рабочему дню в целях обеспечения полноценного досуга населения [7, с. 203].

По словам Ф. Панферова: «Когда-то... мы, тогда еще совсем юные – общественные деятели, на грядущий коммунизм смотрели романтически просто. Рассуждали так: – Не сегодня, так в ближайшее завтра будем жить в коммунистическом обществе» [6, с. 103]. Автор говорит здесь о революционном порыве 1920-х, но его слова вполне применимы и к 1940-м гг., так как тот же И.В. Сталин рассуждает о коммунистической реальности в категориях достижимой перспективы.

Согласно довольно интересному мнению, высказанного Ш. Фицпатриком, «мечта о будущем» была не только «составляющей сталинизма, причем очень важной составляющей, но и частью повседневного опыта каждого человека... Советский гражданин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что такое ему обещано» [8, с. 84], а общественно-политический дискурс технологического содержания актуализировал тематику «технических аспектов» будущего.

Обращаясь к опыту государств «западного мира», прежде всего США и Западной Европы, следует отметить, что построение мифологем и образов технического будущего, столь серьёзно осуществлявшееся в СССР, в этих странах не понималась как важная проблема, что фиксирует довольно примечательный минимализм относительно качества задач, которые ставились перед экономикой западных государств, и носили, по большей части, утилитарный характер.

Тем не менее, стоит отметить, что формирование образов технического будущего в Европе и США превратилось в достаточной развитый концепт общественного дискурса уже ближе к «закату» СССР, так как именно эти образы позволили серьёзно скорректировать экономическое развитие и сущностно трансформировать повседневную культуру европейцев и американцев, также как и жителей Тихоокеанского региона. При этом следует помнить, что первопроходцами в этом вопросе являлись представители советской технической интеллигенции в период с 1945 по 1953 г.

Советский общественно-политический дискурс технологического содержания в исследуемую эпоху стремился актуализировать тематику будущего не только применительно к СССР, но и ко всему миру, обладая известными характеристиками и претензией на мессианство.

В этой связи в наши дни уже довольно сложно представить, что советская экономическая модель и ее идеологическое содержание представляли исключительно серьёзную угрозу для западного мира того времени в отношении прежде всего политического и экономического господства его истеблишмента, представители которого осознавали, что именно технологический образ СССР представляет квинтэссенцию альтернативного западному варианту развития всемирного исторического процесса, ключевой характеристикой которого стало бы новое «восстание масс», – кумулятивная активизация человеческих ресурсов и гармонизация отношений в социуме путем преодоления наиболее острых конфликтов внутри его.

Картина советского образа будущего, над которой работали главным образом научные коллективы СССР, – результат оригинального творчества советского народа. Примечательно в связи с этим, что в трудах теоретиков коммунизма, например К. Маркса, мы не находим сколько-нибудь ясных намеков на его видение перспектив коммунизма в отдельных странах или мире в целом в отношении прежде всего ожидаемых конкретных «шагов» революции [5, с. 182]. Однако эта оригинальная советская «картина» не была в полной мере реализована в силу как догматизации мышления лидеров коммунистической партии Советского Союза, так и увеличивавшейся пассивности научно-экспертного сообщества страны советов на поле «социалистической футурологии». Кроме того, стагнация работы над образом технологического будущего СССР начиная с 1960-х гг. свидетельствует о том, что весь экзистенциальный опыт и потенциал советского народа был направлен скорее на милитаризацию, нежели на формирование производственных культур нового уровня. В связи с этим закономерно, что опыт прочтения образа технологического будущего на западе оказался более удачным, так как оперировал не только с исторической реальностью человеческого бытия, но и с прикладным его применением.

Стоит отметить, что хотя технологический образ будущего виделся в СССР в атрибутах благополучия и благосостояния, что, в свою очередь, отражало сущность коммунистической идеи, однако он являлся, вместе с тем, и в определенном смысле

неким «религиозным опытом», так как оперировал к некоей физической реальности, которая в той или иной степени будет рано или поздно достигнута человечеством. Говоря об образе технологического будущего СССР в 1945–1954 гг. следует отличать данный образ от образов технического развития других периодов существования коммунистического государства СССР на мировой арене, так как именно в послевоенный период данного рода образ технологического будущего был смещён с идеями достижения экономического благополучия спекулятивного характера.

По нашему мнению, последнее было вызвано в немалой степени катастрофической социальной напряжённостью в период начиная с 1945–1953 гг., так как на идеологическом уровне возросла актуализация идеи «красной империи», способного противостоять не только врагу идеологическому (как фашизм), но и социальным кризисам внутри самого общества, которые нивелировались в процессе возрастания коммунистической идеологии.

В СССР после 1953 г. концепции технологического будущего использовались уже лишь в качестве мифологем, которые должны были выступать в роли эпических произведений, способствовавших снижению социальной напряжённости (Хрущев).

Специфика отличия технологического образа будущего СССР от аналогичного в странах Запада в послевоенный период состояла в том, что в отличие от европейского понимания технологического будущего, футуристический проект советского государства был основан вовсе не на технократических концептах. Образ технологического будущего в СССР традиционно стал рассматриваться в категориях счастья, свободы и благополучия, априори акцентируя внимание на «техническом совершенстве» «социалистической цивилизации», которое было основано на высочайших качествах человеческой личности. В послевоенный период данная свобода трактовалась более сущностно, так как человечество в буквальном смысле было освобождено от фашизма. В результате традиционный для советской России 1920-х гг. концепт тоталитарного технологического будущего был, в сущности, утрачен, так как события Второй мировой войны оказали серьёзное воздействие на формирование «позднего» варианта доктрины социализма в СССР.

Положительными моментами технологического образа будущего СССР явились их масштабность, грандиозность, устремлённость в будущее, постановка целей и реализация сверхзадач. К негативным же сторонам технологического футуризма СССР прежде всего нужно отнести отвлечённый характер его ключевых концептуальных построений.

Советский технологический образ будущего 1940–1950-х гг. был, безусловно, во многом опытом ошибок, но, вместе с тем, это был и опыт проб, не использовать который в реалиях современной действительности невозможно.

Таким образом, на основании изложенного, необходимо сделать следующие выводы:

- опыт понимания техники и технического в СССР, зафиксированный в настоящей статье, позволяет обоснованно говорить о его закреплённости в объектах не только материальной, но и – особенно – нравственной культуры;
- неудачный опыт реализации образов будущего в Советском Союзе стал следствием догматизации постулатов марксизма, особенно ярко выразившейся позже, в 60–70-е гг., и отсутствием творческого развития марксистской идеологии в СССР;
- видение советским обществом технологического совершенства СССР было обусловлено личным опытом глобальных событий, прежде всего связанных с ВОВ и послевоенным восстановлением.

Список литературы

1. Абрамов Б. А. Идеиная борьба партии против троцкистов и зинovieвцев в период подготовки и проведения XIV съезда ВКП(б) / Б. А. Абрамов. – Москва : Знание, 1959. – 48 с.
2. Аллен Р. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции / Р. Аллен. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. – 390 с.
3. Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – С. 41–48.
4. Кузнецов И. В. Советская индустриальная пресса периода первых пятилеток / И. В. Кузнецов // Из опыта большевистской и советской печати / под ред. Н. М. Тобольцевой. – Москва : Московский ун-т, 1988. – С. 73–83.
5. Ласки М. Утопия и революция / М. Ласки // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – Москва, 1991. – 611 с.
6. Панферов Ф. Что такое коммунизм / Ф. Панферов // Октябрь. – 1960. – № 1. – С. 103.
7. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин // Сталин И. В. Соч. – Москва, 1997. – Т. 16. – С. 202–203.
8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – Москва, 2001. – 336 с.
9. Low A. D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union / A. D. Low // Russian Review. – 1963. – № 22/1. – P. 22–46.

References

1. Abramov B. A. *Ideynaya borba partii protiv trotskistov i zinovievtsev v period podgotovki i provedeniya XIV sezda VKP(b)* [The Party's ideological struggle against the Trotskyites and Zinovievites in the period of preparation and conduct of the Fourteenth Congress of the VKP(b)]. Moscow, Znanie Publ., 1959, 48 p.
2. Allen R. *Ot fermy k fabrike. Novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From farm to factory. A new interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow, Rossiyskaya Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013, 390 p.
3. Gunter Kh. *Sotsrealizm i utopicheskoe myshlenie* [Socialist Realism and Utopian Thinking]. *Sotsrealisticheskiy kanon* [Social Realistic Canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 41–48.
4. Kuznetsov I. V. *Sovetskaya industrialnaya pressa perioda pervykh pyatiletok* [Soviet industrial press of the period of the first five-year plans]. *Iz opyta bolshevistskoy i sovetskoy pechati* [From the experience of the Bolshevik and Soviet press]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988, pp. 73–83.
5. Laski M. *Utopiya i revolyutsiya* [Utopia and Revolution]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and utopian thinking: an anthology of foreign literature]. Moscow, 1991, 611 p.
6. Panferov F. *Chto takoe kommunizm* [What is communism]. *Oktyabr* [October], 1960, no. 1, p. 103.
7. Stalin I. V. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic problems of socialism in the USSR]. *Stalin I. V. Sochineniya* [Collected works]. Moscow, 1997, vol. 16, pp. 202–203.
8. Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Casual Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 1930s: the city]. Moscow, 2001, 336 p.
9. Low A. D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union. *Russian Review*, 1963, no. 22/1, pp. 22–46.